

Н.Н.Глубоковский

и неудавшаяся попытка объединения в 1918 году Петроградской Духовной академии и Петроградского университета

Н.Н.Глубоковский

Николай Никанорович Глубоковский (19/6 декабря 1863 г., Кичменгский городок Вологодской губ. – 18 марта 1937 г., София), доктор богословия, член-корреспондент Императорской Академии наук (с 1909 г.), редактор первой Православной богословской энциклопедии (1904–1911), историк Церкви, экзегет, филолог, духовный писатель и публицист, видный церковно-общественный деятель. Выпускник Московской духовной академии (1889), с 21 октября 1891 г. доцент, с 4 октября 1894 г. экстраординарный, с 28 января 1898 г. ординарный профессор по кафедре Св. Писания Нового Завета Санкт-Петербургской Духовной академии, почетный член Киевской, Казанской и Московской Духовных академий, Московского и Петроградского Археологических институтов, действительный член Императорского Православного Палестинского общества и ряда других научных обществ и церковных братств. В августе 1921 г. выехал за границу, с июля 1923 г. преподавал на богословском факультете Софийского университета, с 1929 г. член-корреспондент Болгарской Академии наук.

Глубоковский был одним из инициаторов несостоявшегося в 1918 г. объединения Петроградской Духовной академии и Петроградского университета, а после закрытия академии — профессором Петроградского университета в 1919–1920 гг. В декабре 2003 г. в Научной библиотеке им. Горького была открыта выставка, посвященная 140-летию со дня его рождения.

Судьба высшей духовной школы была предreshена декретами Совнаркома РСФСР от 11 декабря 1917 г. и 20 января 1918 г. Все духовно-учебные заведения (со всеми зданиями, земельными участками, библиотеками и прочими ценностями) передавались в ведение Народного комиссариата по просвещению, церковь была отделена от государства, ее служители лишены государственных денежных ассигнований. Агония духовной школы продолжалась несколько лет. “Умирающая академия блуждает”, — писал об этом периоде профессор Московской духовной академии С.С.Глаголев. Первой из бывших в России четырех духовных академий пре-

кратила существование петроградская. 26 января комиссар по высшим учебным заведениям И.В.Егоров потребовал к себе ректора академии епископа Анастасия (А.И.Александров, 16.04.1861–23.06.1918, выпускник Казанского университета, доктор сравнительного языковедения (1888) и церковной истории (1910), бывший проректор Казанского университета) и обязал его немедленно представить смету, угрожая, иначе, реквизируют Академию. “При подчинении обещалась полная терпимость к религиозно-политическому строю Академии, к церковной их соподчиненности, а теперь уже совсем изымают нас из ведения церковной власти, – замечал Н.Н.Глубоковский. – Мы оказались в междупланетном пространстве, и пока отсюда ожидается лишь катастрофическая ломка, которая в ближайшее время не обещает ничего хорошего”.

17 февраля 1918 г. по случаю 109 годовщины Петроградской Духовной академии состоялся традиционный годичный акт, на котором был зачитан отчет о состоянии академии в 1917 г.: 7 почетных членов академии скончались, здание реквизировано под приют для малолетних преступников, Академия находилась на грани финансового краха, но продолжала бороться за жизнь. “Трагически печальный факт обнаружившегося в наши дни помрачения совести и разума народа, является прямым результатом насильственного привития ему чуждых его духу и историческому развитию начал и попражнения в нем того, что искони было для него священным. Направлять истинно культурный рост русского православного народа можно только при понимании основ его идеологии, которые раскрывает именно православная богословская наука”, – говорилось в отчете. В этих условиях самостоятельное и свободное развитие богословской науки в духовных академиях признавалось исключительно важным с общекультурной и государственной точек зрения.

Однако новая власть иначе смотрела на существование Академий. В постановлении Комиссариата народного просвещения, полученном Советом ПДА 1 апреля/19 марта 1918 г., сообщалось, что “Петроградская духовная академия, как таковая, не является потребностью современно-го государственного строя и подлежит закрытию”.

В этих условиях академическая корпорация приняла попытку спасти богословскую науку путем объединения Духовной академии с Петроградским университетом. Переговоры эти переговоры стали яркой вспышкой, осветившей последний, 110-й год ее существования.

Н.Н.Глубоковский, один из инициаторов этого объединения, принял в них самое деятельное участие, полагая, что, если «благороднейший Петроградский Университет <...> не спасет нашу Академию своим восприятием на каких угодно ему условиях, то Комиссары непременно уничтожат ее, – и мы будем выброшены на улицу для наискорейшего вымирания физического или морального...» Он не был человеком, посторонним университету, лично зная и поддерживая переписку с П.К.Коковцевым, Н.Я.Марром, Б.А.Тураевым и другими профессорами. В сентябре 1906 г. от имени историко-филологического факультета Тураев “пренастойчиво” предлагал Глубоковскому занять кафедру церковной истории. Тот не хотел и не мог принять предложение “по множеству причин”, одна из них – отрицательное отношение к совмещению преподавательской деятельности в разных высших образовательных учреждениях.. “Б.А.Тураев был у меня трижды, и в конце кон-

цов для меня нарастает тягостное положение, что я обижая факультет. Чистая пытка, для меня просто мучительная”, – писал он А.И.Соболевскому, одному из самых близких своих друзей, с которым на протяжении многих лет поддерживал переписку. Он просил помочь деликатно отвести свою кандидатуру, чтобы выйти из сложившейся коллизии.

Начиная с 1905 г., Глубоковский высказывался за радикальное реформирование высшей духовной школы и создание (наряду с Духовными академиями) “университетских православно-богословских факультетов”, считая их наилучшей формой, обеспечивающей независимую и всестороннюю разработку богословия как совокупности научных дисциплин. В письмах В.В.Розанову он заступался за “униженную и поруганную Академию, которая давно жаждет перебраться в Университет самым скромным факультетиком”. В то время как вопрос о богословских факультетах активно обсуждался в печати, Комиссия по разработке нового университетского устава 22 января 1906 г. высказалась за упразднение в университетах кафедр богословия. “Изгнание” это со ссылкой на “свободу совести”, декларированную Манифестами 17 апреля и 17 октября 1905 года, фактически закрыло тогда вопрос о создании богословских факультетов. “С удивлением и прискорбием нужно еще констатировать, что наши Университеты обнаруживают явное и, иногда, принципиальное нерасположение к самой идее включения богословских факультетов в свой состав”, – замечал Глубоковский.

Весною 1918 г., перед лицом общей опасности, угрожавшей высшей школе со стороны власти, разногласия были забыты. Речь шла о спасении Духовной академии как “научно-педагогического учреждения” и присоединении ее к университету во всем составе. По словам Глубоковского, “это будет нечто вроде Парижской Сорбонны”. Отметим, что в проекте нового академического устава, обсуждавшегося в 1917–1918 гг., обращалось внимание на необходимость серьезной языковой и историко-филологической подготовки и сотрудничество в этом направлении с университетами. Мысль также не новая, еще в 1906 г. профессор Московский духовной академии И.В.Попов предлагал предоставить студентам академий и университетов право взаимно посещать лекции обоих этих заведений.

Со стороны университета в объединительную комиссию вошли А.И.Введенский, И.А.Ивановский, Н.Я.Марр; от академической корпорации – епископ Анастасий, Н.Н.Глубоковский, И.С.Пальмов, В.С.Серебренников, И.М.Волков (Шилов Л.А. Публичная библиотека и Духовная академия: книги и люди// Публичная библиотека: люди, книги жизнь. СПб., 1998, С.58-72). Первое заседание состоялось 8/21 февраля 1918 г., следующее через 2 дня. В тот же день, 10/23 февраля, Глубоковский докладывал Совету Академии, что со стороны представителей университета академические профессора “встретили такую внимательную и заботливую предупредительность, что выше ее не только невозможно желать, но даже нельзя и представить <...> Эта исключительная отзывчивость уже теперь дает нам ценную духовную поддержку в наших тяжелых условиях и должна быть особо отмечена в анналах Академии по своей великой моральной значимости, – чем бы ни разрешились фактически наши дальнейшие сношения с Университетом...”.

По видимому, идея объединения разделялась не всеми членами академического Совета. Глубоковскому

пришлось убеждать коллег согласиться на подобный шаг. Он выделял два момента: *духовный* союз с Православной церковью и *административное* ей подчинение. Первое признавалось неизблемым, второе становилось, по его мнению, невозможным. Если Академия останется "во всецелом административном церковном ведении", над ней будет висеть "неустрашимая опасность совершенного уничтожения", а ее преподаватели вынуждены будут рассеяться по России "на новых поприщах служения". Объединение с Университетом открывало "счастливый выход" к сохранению Академии. Возражая своим оппонентам (И.Е. Айвазову и др.), Глубоковский полагал, что "нужно быть умеренными не только в наших требованиях, но и пожеланиях", выступая за последовательное проведение автономии, начиная с профессорской коллегии, ибо иначе возникнут взаимные неудобства "для союза с автономными учреждениями", каковым представлялся тогда Университет.

По просьбе ректора Академии епископа Анастасия Глубоковский составил в первых числах марта проекты документов, положенных в основу процедуры объединения: заявление "В Совет профессоров Петроградского университета" и "Положение о связи по учебным и хозяйственным делам между Петроградским университетом и Петроградской духовной академией". Речь шла о федеративной связи академии и университета при "полной автономии своего строя и быта". В качестве органа управления учреждался Сенат, в котором представители обоих учреждений имеют равные права. "Предполагается симбиоз взаимообщения и взаимного содействия для достижения каждым из членов федерации своих специальных научно просветительных целей", — писал Глубоковский.

Он же составил и примерную программу занятий по кафедрам на 1918–1919 учебный год. В виду "экстренности" всего дела и отсутствия в Петрограде многих академических преподавателей курсы и практические занятия указывались лишь "некоторые". Более подробно Глубоковский останавливался на науках, являющихся общими для академии и университета: история, каноническое или церковное право, древние классические языки и логика. Он отстаивал необходимость их самостоятельного изучения в Академии спецификой богословского преподавания этих дисциплин. "История христианская, конечно, не может быть особою академической наукой, но в специальной постановке является насущною потребностью научного богословского знания. Наряду с книгами откровения <...> богословие должно столь же основательно читать и скрижали истории, где содержатся драгоценные материалы для всяких телеологических построений. Христианство явилось и функционирует в истории и потому может быть правильно понято и научно оценено лишь в свете истории и по связи с нею. <...> Понятно, в самых научных интересах богослов специально наблюдает за действием, участием и влиянием духовных факторов и на этих важнейших сторонах сосредотачивается его преимущественное внимание. Подобная постановка является в университетах лишь факультативною, как одна из возможных, а для Академии она безусловно необходима и потому требует специальной преподавания с особыми преподавателями".

Во второй половине марта 1918 г. в Москву выехала делегация от Петроградской Духовной академии. Ее возглавлял инспектор академии профессор 1-й кафедры Св. Писания Нового Завета Сергей Михайлович Зарин (1875–1935). Он "конфиденциально"

информировал Глубоковского о визитах к патриарху Тихону и В.Д. Бонч-Бруевичу. По словам Зарина, Патриарх отнесся к "симбиозу" университета и Академии "весьма тактично и благожелательно", объясняя "неопределенность отношения церковной власти <...> нежеланием нас связывать и затруднить". Надо отметить, что политика высшей церковной власти в отношении Академии вызвала у части академических профессоров определенные опасения и вопрос: "не хочет ли он [Синод], оправдываясь переживаемым моментом, отделаться от нас, чтобы создать для себя монашескую академию?".

29/16 апреля 1918 г. Совет университета 76 голосами против 4 (по замечанию Глубоковского, "естественников") принял решение о принятии в свой состав Петроградской Академии. 1 мая/18 апреля Глубоковский писал Н.Я. Марру: "Вы были нашим ангелом-хранителем на всех стадиях процесса и счастливо довели вопрос до желанного конца, которым мы обязаны больше всего именно Вашему вдохновенному и благородному участию. Я привык почитать Вас, как подвижника науки и двигателя ее, а ныне вижу в Вашем лице защитника и поборника научного знания вообще ради высоких интересов истины. Вы сделали все доступное и посильное. Дальнейшее зависит уже не от наших стараний, а от воли и милости Божией. Но что бы ни оказалось в последнем результате, — Ваше имя навсегда неизгладимо сохранится в моем воспоминании как научно-светлое и душевно-дорогое. Осуществилась моя давняя, заветная мечта, когда всего менее можно было это ожидать. Не имея сил и способа оправдывать разумным трудом свое существование, я находился уже на грани безнадёжности. Вы своею благородною энергией возвращаете духовную бодрость, необходимую для ответственной моральной жизни интеллигентного работника". Свою благодарность и "чувство признательного восхищения" Глубоковский просил также выразить и ректору университета Э.Д. Гримму, которого лично не знал.

В случае положительного решения вопроса о соединении Глубоковский предлагал сразу же организовать занятия по библиологии и христианскому Востоку, а также пересмотреть академический устав "для согласования с нормами и практикой университета". Однако сам он сомневался в том, что правительство такое соединение допустит. Большинство академических профессоров проявляло здоровый скептицизм, считая маловероятным, что "Народные Комиссары, объявившие преподавание религии во всех учебных заведениях недопустимым", будут мириться с присоединением Академий к Университетам. К тому же было известно, что А.В. Луначарский "стоит на непримиримой позиции и не допустит государственных богословских факультетов".

Заседание Правления университета, внесшее изменения в объединительный проект, состоялось 21 мая. По поручению Совета Академии с 25 мая по 27/14 июня 1918 г. Глубоковский находился в Москве, чтобы собрать "строго проверенные и авторитетные данные" для принятия Советом окончательного решения. Он был у патриарха Тихона, митрополита Новгородского Арсения (Стадницкого), председателя Училищного совета протоиерея П.И. Соколова, председателя Учебного Комитета при Св. Синоде К.М. Аггеева, а также члена ВЦС и своего старого знакомого И.М. Громогласова. Патриарх и митрополит Арсений вновь поддержали намерение Академии искать спасительный путь в объединении с Петроградским университетом. Однако вывод, выне-

сенный Глубоковским из этих бесед, сводился к тому, что каждая академия "индивидуально" решает свою судьбу. Фактически высшая духовная школа оказалась предоставленной сама себе.

Как и предполагалось, из-за противодействия властей проект объединения с университетом претерпел значительные изменения. В августе 1918 г. правление университета постановило признать вхождение Духовной академии в университет наиболее желательным под названием "Религиозно-философский институт, с перспективой в ближайшем будущем быть преобразованным в Религиозно-философский (теологический) факультет Петроградского университета" (Шилов Л.А., с.60). Для выработки проекта этого факультета при университете была создана специальная комиссия под председательством Н.Я.Марра. Глубоковский был приглашен на заседание комиссии, намеченное на 25 сентября, но уже он находился в командировке в Швеции,

где пробыл до декабря 1918 г. За это время вопрос об объединении был окончательно исчерпан. Петроградская Академия прекратила свое существование.

Советом Петроградского университета 20/7 декабря 1918 г. сам Глубоковский был избран младшим ассистентом по разряду Христианского Востока и армяно-грузинской филологии "для чтения в первом полугодии 1919 г. памятников на позднегреческом языке и текстов библейских и апокрифических". Выражая Н.Я.Марру, инициатору этого избрания, сердечную благодарность, Глубоковский не преминул заметить: "Должен, однако, прибавить, что если бы достались мне все блага мира, и утвердился теперешний безбожный насильнически-социалистический строй, — для меня невозможно будет жить при нем, и я обязательно уйду умирать в другое место. Такова для меня моральная необходимость".

Т.А.БОГДАНОВА, А.К.КЛЕМЕНТЬЕВ,

на книжную полку универсанта

«Духовное пространство Университета»

Не так давно вышла книга кандидата исторических наук, преподавателя Санкт-Петербургского государственного университета Оксаны Борисовны Вахромеевой «Духовное пространство Университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследование и материалы» (Санкт-Петербург, 2003. — 253 с.). Юбилейное издание появилось в год 125-летия первого женского университета в России.

Монография, состоящая из двух частей, исследовательской и документальной, посвящена созданию и деятельности Бестужевских курсов во второй половине XIX — начале XX вв. (первая часть в двух главах), рассказывает о работе бывших бестужевок в 50–80-е гг. прошлого века и содержит их воспоминания (вторая часть в одной главе и приложения). Дополнительную информацию по истории женского университета дает богатый иллюстративный ряд, отображающий персоналии преподавателей и курсисток, виды учебных зданий и помещений, групповые и документальные фотографии.

Монография О.Б.Вахромеевой «Духовное пространство Университета...», продолжая отечественную историографическую традицию исследования «женского вопроса» (вслед за общими работами И.Б.Брайнина, Г.А.Тишкина, Э.П.Федосовой, Л.Е.Иванова и опубликованными с комментариями воспоминаниями бывших бестужевок), подводит своего рода итог изучения данной проблемы в стенах Петербургского университета в XX в., когда завершилась удивительная эпоха деятельности женского университета и была подготовлена почва для исследования такого сложного и неповторимого явления истории русской культуры, как Бестужевские курсы.

Научно-исследовательских сочинений о Бестужевских курсах не так много: основная их часть приходится

на конец 1950-х — 1980-е гг. и связана с публицистической деятельностью бывших слушательниц курсов, стремившихся предотвратить забвение истории учебного заведения.

Работа О.Б.Вахромеевой основана на архивных документальных материалах, хранящихся в фонде Высших женских курсов архива Музея истории СПбГУ. Автор книги, будучи в течение 10 лет сотрудником музея и имея доступ к неразобраным материалам фонда ВЖК, систематизировала, описывала и хранила их. В результате желание создать «полную» историю первого женского университета на основе архивных материалов совпало с возможностью публикации уже разобранных архивных документов. Книга «Духовное пространство Университета...» — это уникальная возможность для современников познакомиться с подлинной, во многом дополненной, в то же время первозданной историей Бестужевских курсов.

Юбилейное издание рассчитано на самую широкую аудиторию: потомков бестужевок, студенчество, историков высшей школы, в частности, «женского вопроса», специалистов в области истории наук, историков отечественной культуры, а также выпускников Ленинградского — Санкт-Петербургского университета разных лет.

Книга О.Б.Вахромеевой о Высших женских курсах, как и сами Бестужевские курсы — это неотъемлемая часть университетского пространства.

Автор посвятила первую монографию своему учителю — талантливому исследователю истории Санкт-Петербургского университета, профессору русской истории Юрию Давидовичу Марголису (1930–1996).

Н.И.ЮШКЕВИЧ